

Е.Ф. Фурсова

Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630091
E-mail: mf11@mail.ru

«ЧАЙ ПИЛИ, В ЛОЖКИ БИЛИ...»: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПРАКТИКАХ ЧАЕПИТИЯ РУССКИХ СИБИРЯКОВ XIX — НАЧАЛА XX в.

На основе оригинальных полевых материалов раскрыты идентификационные функции такого актуального для жителей Северной Евразии компонента питания, как горячие напитки (заварки на основе местных трав, китайские чаи), в среде этнокультурных групп Сибири. Исследование практик сибирского чаепития осуществлено через призму этнокультурной идентичности в структуре повседневности. Распространение чаепития с китайским листом совпало с формированием местного старожильского населения в XVII–XVIII вв., сложившиеся при этом традиции являются следствием интеграционных процессов у славянских народов.

Ключевые слова: *практики чаепития, русские сибиряки, этнокультурные различия, этнокультурная идентичность, Сибирь XIX — начала XX в.*

Введение

В структуре этнокультурной идентичности можно выделить множество взаимосвязанных компонентов, таких как язык, этносимволы, психический склад народа, ценности материальной и духовной культуры и пр., что находит отражение в повседневных практиках этнической общности [Особенности социальной идентичности..., 2014, с. 42; Какадий, 2016, с. 185]. Можно утверждать, что именно повседневные практики, выполняя репрезентативную и объединяющую функции в культуре, конструируют и воспроизводят этнокультурную идентичность. Актуальность исследования связана с «остротой масштаба переживания по поводу самоидентичности, самоидентичности русского народа» — проблемы, обсуждаемой в России уже в течение нескольких столетий [Каргин, Костина, 2011, с. 35].

В одной из своих работ мы писали о необходимости развития научных этнографических теорий на основе расширения фактологической базы и ее пополнения, по выражению В.В. Пименова, новыми «фактами-реальности», которые впоследствии бы обратились в познавательный образ — «факты-знания» [1990, с. 43; Fursova, 2017, с. 116]. Именно фактов-реальности не хватает сегодня при анализе функций культуры, прежде всего репрезентативных, которые способствуют одинаковому пониманию символов, а следовательно, адекватному взаимодействию в обществе.

Под категорией «этнокультурная идентичность» автор понимает самоотождествление человека с конкретным этносом или этнокультурной (диалектной), конфессиональной, локальной группой, восприятие ее мировоззрения и образа жизни, стереотипов поведения, представлений о роли и месте в этом мире. Существование своеобразного комплекса черт, характеристик, функций культуры определяет этнокультурную специфичность личности. В работе поставлена цель выявить идентификационные функции культуры питания, в частности такого актуального для жителей Северной Евразии компонента, как горячие напитки (чай), в разных этнокультурных группах Сибири: потомков старожилов и поздних российских переселенцев, старообрядцев и сторонников официальной церкви. Зададимся вопросом, насколько самобытно русское чаепитие в сибирском варианте и каковы его истоки? Как эта традиция включена в этнокультурную или региональную идентичность сибиряков?

Работы, в которых чаепитие рассматривается как символ гостеприимства, показатель имущественного и социального положения людей, носят в основном дескриптивный характер и не могут претендовать на полноценное описание этого компонента русской культуры. Идентификационные функции традиций чаепития в лучшем случае фрагментарно раскрыты в диссертациях и монографиях, по материалам как Европейской России, так и Сибири [Воронина, 1997; Гавриленко, 2012; Чудова, 2009]. Нельзя не отметить крен в сторону популярных изданий (об-

зоры, музейная продукция, брошюры) (см.: [Свидетельство старого самовара, 2001; Тара на Великом чайном пути..., 2009; Федоров, Мошков, 2017; и пр.].

В качестве источников привлечены полевые этнографические материалы автора 1970–2010-х гг, данные письменных источников. Специфически этнографический метод включенного наблюдения позволяет конкретизировать реальное существование тех или иных групп населения, мотивов поведения, оценок поступков и действий, не фиксируемое по данным других источников. Полевые исследования осуществлялись Восточнославянским этнографическим отрядом (рук. автор), организовывавшимся Институтом археологии и этнографии СО РАН, в южных районах Западной Сибири (Омской, Новосибирской, Томской и других областях). Динамика процессов прослежена на материалах этнокультурных групп старожилов и переселенцев Сибири, в их числе «закорененных чалдонов», «бухтарминских» и прочих старообрядцев, переселенцев из Европейской России, которые могли носить разнообразные коллективные названия.

Употребление горячих напитков из сибирских трав

Отсутствие этнографического подхода в исследованиях чаепития без учета специфики бытового уклада и верований этнокультурных групп русских привело к неточному выводу, что в России в XIX — начале XX в. черный или зеленый чай стал восприниматься как исконно русский напиток. Из этого следует, что китайский чай настолько «оброс» нашими обычаями, что возникло большое желание считать этот напиток русским по происхождению. Однако исконно русскими напитками, по мнению большинства исследователей, являются *мед ставленый*, *березовица*, квас, *сикера*, пиво, кисели, сбитни, морсы, рассолы [История культуры..., 1948, с. 270; Похлебкин, 1997, с.10] и, как будет показано в работе, прямые предшественники чая — травяные *заварки* (отвары).

До знакомства с китайским чаем в России для самых различных целей широко употреблялись травяные заварки (настои), которые одновременно служили бодрящими и расслабляющими напитками после напряженной работы, компенсировали неблагоприятное воздействие континентального климата — согревали в морозы и охлаждали в жару. Полевые этнографические материалы показывают, что заварки делали из разных растений, произрастающих в данной местности (иван-чай, листья смородины, клубники, малины, душицы, чага и т.д.). Эти заварки наши информанты нередко так и называли — по используемой траве: *смородишник*, *малинник*, *голубничник*, *морковный* и пр. Например, в Иткульской волости Каинского уезда Томской губернии¹ запаривали «голубничник» и черные вкрапления в виде пятен на березах, о чем пожилые люди вспоминают и сегодня: *Вот чай! Березой пахнет! Вкусный!* Как лечебное средство и как аналог чая заготавливали старые листья бадана, особенно пользовавшиеся популярностью на Алтае. В богатых чалдонских семьях было принято покупать в местных продуктовых лавках так называемый *фруктовый чай* из прессованных ягод малины, яблок и прочих сладостей. При заваривании такой напиток приобретал не только соответствующий запах, но и сладкий вкус. В Восточной Сибири русские крестьяне издавна, со времен своего поселения здесь, заваривали корневище мыкера (гречиха-горлец. — Е. Ф.), которое применялось и как лекарственное средство [Гурулев, 1996, с. 22]. В Енисейской губернии собирали кору лиственницы, сушили, крошили и заваривали, получался темно-красный напиток с приятным, немного вяжущим вкусом [Кивокурцева, 1996, с. 13].

Травы заваривали в чугунах или котлах, но с середины 1780-х гг., когда уже почти повсеместно в России пили китайский чай, стали применять самовары. В это время постепенно название «чай» (от северокитайского, означающего чайный лист; [Похлебкин, 1997, с. 10]) перешло на горячие травяные напитки, которые до этого, как уже отмечалось, назывались заваркой. По этой причине в представлениях пожилых людей, живущих в сельской местности, до сих пор слово «чай» многозначно. Директор музея Галина Михайловна Гут из с. Евгашино Омской области вспоминала: *Морковь сушили, ягоды: малину, чернику, землянику — и пили такой чай. Варенья не было. Это назывался чай, даже если траву заваривали. Морковный чай и т.д. Раньше всю ягоду сушили — сахару не было, купить не на что было. Я помню русские печки, и вот на этих русских печках вся эта ягода сушилась* (ПМА, 2007).

Любители смешанных чаев соединяли китайский чай и традиционные для конкретной местности травы. Ветеран Великой Отечественной войны Александр Георгиевич Полуянов (1926 г.р.) из с. Тевриз Омской области делился воспоминаниями детства: *Для чая заваривали травы. Медовый, с запахом — лабазник. Ну, это называли чай: «Мама, налей чаю». Да и все. А ходили мы, вот и я ходил несколько раз, помоложе был, ходил в лес. Но мы его смешивали. Вот не-*

¹ Сейчас Чулымский район Новосибирской области.

множко кирпичного чая туда, кирпичный чай вы же знаете, который черный. Кирпичного крошишь туда и потом еще травки, и очень вкусно (ПМА, 2007).

Этнографические факты дают возможность говорить о распространенности традиций горячих напитков с молоком, что по-иному называлось «забелить чай». В одном из самых старых сел юга Западной Сибири современные потомки чалдонов² до сих пор не используют другого напитка. Приведем рассказ местной старожилки Щербаковой Марии Ивановны: *Как чалдон чай пьют? Ну, траву заваривали. Нет, не китайский, щас иван-чай, да и все. Сушили, а как же? В заварничек положишь, заварится такой красивый чай, аромат... И душица, и иван-чай все это у нас. И мама, и я только с молоком. Вот у меня сейчас доятся козочки, я только с молоком пью. И щас чалдоны любят пить чай с молоком. Сахар редко у кого был, и то комковой, головы большие. Мама все рассказывала... Были раньше у всех самовары* (ПМА, 2019).

В Западной Сибири пили чай из самоваров не только в домах, но и во время сенокосов, полевых работ. Летом во время сезонных работ старожилы сибирских деревень и сел отправлялись на поле с горячим самоваром. При отсутствии лошадей семья распределяла ношу между собой, договариваясь, чтобы кто-то нес самовар, кто-то чашки, кто-то булки или калачи и пр. Сибирские ямщики, отправляясь в дорогу, брали с собой помимо хлеба и пельменей также местные травы или китайский чай.

Горячие напитки входили в состав угощения во время разных календарных праздников, когда под *угощением чаем* понимался как горячий напиток на основе местных трав, так и китайский. Во многих старожильческих селах христовославов не только одаривали на Рождество и Святки творожными *сырчиками*, семечками, шаньгами, пирогами, но и подавали взрослым стопку водки или чай. После вечерней рождественской службы практиковался как вариант постной еды *хлеб с чаем*. Из рассказов старожиллов Верхнего Приобья следует, что чай был обязательным угощением во время зимних супрядок, а также, наряду с горячительными напитками, во время коллективных трапез святочных ряженых-*шуликанов*, *шулюкенов* и пр.

В 1980-х гг. коллективное чаепитие с самоваром наблюдалось нами в приобских деревнях во время святочных гаданий. Так, в п. Масляново Новосибирской области сельяне разных поколений собирались на подблюдные гадания и пения с рефреном «Илия» вокруг стола за чашкой чая. Чай пили с прихваченным из дома нехитрым угощением: вареньем, медом, булочками и пр. Из мякиша здесь же нарезанного хлеба делали шарики, которые присутствующие при желании могли положить под подушку в надежде увидеть *вещий сон* (ПМА, 1989).

На памяти местного населения бывшего г. Каинска Каинского уезда Томской губернии развлечения девушек на Масленицу включали не только катания *на парах коней* в субботу накануне Прощеного дня, но и поочередные гостевания друг у друга. Семья, принимавшая у себя масленичных гостей, по традиции угощала их чаем.

Во время престольных праздников семейные трапезы на природе сопровождались употреблением многочисленных стаканов чая. Приведем рассказ А.Г. Полуянова: *В Полуяновке был престольный праздник Михайлов день, а почему, я не знаю. А у Паневок — Рождество, в Ширяевке был престольный Иванов день. Мы в Тевриз ходили в церковь... А в гости всегда в Михайлов день вся Полуяновка гуляла в Черноярке, потому что они были все родня. Где родня, оттуда и приезжали. Ну, обычно говорили: «У кого загостил, того и пригласил». Мы жарим сала с картошкой, мы чай поставим, сахарницу с сахаром и будем все время угощать: «Пей, кумушка, пей, сватьюшка, пей, доченька»* (ПМА, 2007).

Употребление напитков на основе местных трав было особенно востребовано во время православных постов, на которые приходилась почти половина календарного года. Несколько стаканов/чашек в день с постными пирожками или блинами смягчали строгость Великого поста.

Если в обрядах жизненного цикла (родильные, свадебные, похоронно-поминальные) значение и символическое содержание горячих напитков не фиксируется [Фурсова, 2014], то в системе строительных жертв при вхождении в новый дом чаепитие было известно. *Ну, новый дом построили и «влазины» устраивали. Всей деревней собирались, несли кто че мог: кто сковородку, кто чугунок. Принесли и просто дарили: «Это хозяйину дома от нас, добрых жителей вот этого села». Это называлось «влазины». Ну, а потом чай пили. Ну, кто-то там первое (блюдо), кто-то второе. Меню такое скромное* (ПМА, 2007, Полуянов А.Г.).

² Чалдоны — этнокультурная группа старожиллов Западной Сибири, считающая себя потомками первопроходцев-казаков, выходцев с рек Чала и Дона, откуда будто бы пошло и их коллективное название. В Восточной Сибири так могут называть потомков метисов (русских с сибирским коренным населением).

Традиции китайского чаепития по письменным источникам

Среди исследователей существует мнение, что чаепитие распространилось в первой половине XIX в. в среде сибирского купечества, которое отличалось этим модным обычаем от простых горожан и крестьян [Бойко, 1996, с. 197; Гончаров, 1999, с. 156]. В культурно-бытовом отношении сибирские крестьяне-старожилы незначительно разнились с богатыми горожанами и купцами и тоже могли позволить себе употребление чая. На юге Западной Сибири, в большом старожильческом с. Крутиха Бурлинской волости, алтайский крестьянин П. Школдин еще в середине XIX в. утверждал, что местное население живет в довольстве и даже роскоши, что выражается в хорошей одежде и пище, а также использовании в быту самоваров, «каковых по волости находится более ста» [1863, с. 50].

В Сибири распространение чаепития с китайским листом и формирование местного старожильческого населения в XVII–XVIII вв. происходило практически одновременно, поэтому для местных потомков служилых людей и казачества этот напиток можно считать традиционным. Значительная часть Сибирского тракта проходила по левой ветви знаменитого Великого чайного пути, обеспечивая занятость населения как гоньбой лошадей, так и содержанием постоянных дворов, лавочек [Ермачкова, 2014, с. 21]. Здесь, где чаепитие распространилось ранее Европейской России, даже «обедать» или «общаться» обозначалось как *чаевать* или *чаевничать*, а звать «на чай», «на чаек» значило приглашать в гости. Предлагать любому вошедшему в дом, даже совершенно незнакомым людям, чай — характерная черта сибирского гостеприимства, известная еще в XIX в. Обычай требовал выражения согласия на предложение хозяев. Поэтому, повествуя о нравах высших слоев сибирского общества, чиновничества, купечества начала XIX в., И.Т. Калашников подчеркивал такую «замечательную особенность» жителей Сибири, как хлебосольное угощение чаем: *В какой час дня ни зашли бы вы в гости, утром ли, в полдень ли, вечером ли, ночью ли, — вы не избегнете, чтобы вас не угостили чаем* [1957, с. 37]. По его мнению, к этому времени уже сложился определенный этикет: *Пить чай досыта почиталось невежеством. Старые люди говорили, что гости должны пить одну чашку чая, три чашки пьют родственники или близкие знакомые, а две — лакеи* [Там же]. Кроме того, чай должен был подаваться горячим, предлагать прохладный чай означало проявлять неуважение к гостям. Традиция включала как коллективные чаепития, включавшие неторопливые беседы, так и индивидуальные.

Любовь к горячим напиткам порой вытесняла традиционную кухню, как известно, включавшую первые и вторые блюда, закуски. По этой причине, описывая добротные постройки сибирских крестьян, один из составителей книги «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» Ф.Н. Белявский замечал, что пища здесь, наоборот, составляет невыгодный контраст: *Кирпичный чай «с прикуской», состоящей из разных пирогов, у них играет едва ли главную роль в еде. Пьют чай, в особенности в свободное время, до пяти раз в день и каждое чаепитие занимает очень много времени* [1907, с. 238]. Приведем также ироничное замечание известного российского этнографа-беллетриста С.В. Максимова: *А без кирпичного чаю — как известно — сибиряк, простой человек, и лба не крестит* [1864, с. 533].

О пристрастии сибиряков к чаям писали главным образом приезжие или путешественники. Мимо внимания А.П. Чехова, путешествовавшего по Сибири в 1890 г., не прошел обычай чаепития жителей г. Колывань Томской губернии, что нашло отражение в произведении «Из Сибири» [1978, с. 5–38]. В этом рассказе обращает на себя внимание приглашение местного лодочника *чайку покушать*. Выражение точно отражало обычай не только пить чай, но в буквальном смысле трапезничать, так как подавали *блинов из пшеничной муки, пирогов с творогом и яйцами, оладий, сдобных калачей*.

Бросался в глаза этот обычай и ссыльным в Сибирь польским «повстанцам». Например, участник восстания 1863 г. Игнатий Дрыгас, проживавший в Западной Сибири (д. Юнино), в своих «Воспоминаниях» отмечал: *Чай есть напиток, без которого любой сибиряк не обходится; в Сибири он дешевый и хороший, ибо через Сибирь чай проходит в Европу из Китая, где его производят* [Дрыгас, 1913]. Замечание о качестве сибирского чая справедливо: через Кяхту доставляли преимущественно дорогие чаи, так как дешевые выгоднее было везти морем, в Москве эти чаи развешивали и посылали в Санкт-Петербург и другие города [Субботин, 2017, с. 437]. Поляк повествует о трех способах чаепития: *с наливкой*, когда заливают сахар и пьют сладкий чай; *с прикуской* — пьют, откусывая маленькими кусочками сахар и запивая из стаканов; наконец, третий способ требовал менее всего сахара — *с думкой* о сахаре [Дрыгас, 1913, р. 67]. «С думкой» приходилось пить чай вынужденно, поскольку пуд сахара стоил довольно дорого в сравнении с

ценами на прочие продукты потребления — 8 руб. 80 коп. (ср.: пуд ржи 40 коп., ячменя — 35 коп., рыбы красной — 5 руб. и т.д.) [Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь..., 1893, с. 119]. Став популярным напитком в среде горожан и богатых крестьян на юге Сибири, чай позднее распространился в северных районах и постепенно вошел в празднично-бытовую культуру различных слоев сибирского населения, потеснив традиционные травяные заварки.

В конце XIX в. употребление покупного чая считалось престижным, расценивалось как признак цивилизованности и высокого имущественного положения, чем стремились выделиться первопоселенцы Сибири казаки. Историк сибирского казачьего войска Г.Е. Катанаев писал о прииртышских казаках Семипалатинского уезда: *Чай — это предмет первой необходимости... дороже чая только пшеничный калач и булка; все остальное менее необходимо* [1893, с. 19]. В этом сибирские казаки не очень отличались от донских, особенно верховых, культура питания которых включала употребление чая и кофе, завезенного из Турции [Донские казаки..., 1998, с. 373].

Чаепитие по данным полевых этнографических материалов

В отношении потребления китайского чая русским старожильским населением Сибири в сельской местности можно говорить о двух традициях: первой — представленной сибиряками-старожилами, особенно чалдонами, которыми чай употреблялся в большом количестве и часто; второй — категорического отрицания чаепития в среде старообрядцев.

В последние годы в трудах антропологов и философов предлагается различать идентичность как внутреннее чувство (осознание себя, Self) в сравнении с внешней информацией о себе, т.е. со стороны [Sökefeld, 1999, с. 417]. Так, пристрастие к чаю чалдонов было настолько велико, что даже название этой старожильской группы населения Западной Сибири интерпретировалось поздними российскими переселенцами как «чайдоны», в том смысле, что «чай дают» [Фурсова, 2002, с. 39]. Подобная интерпретация составляет основу мифа, созданного нечалдонами, которые старались таким образом подчеркнуть характерную черту традиционного быта соседей. Уважительное отношение к чаю и его поклонникам выразилось в несколько искаженном произношении народного прозвища старожилов, смысл которого был хорошо понятен местному населению. На приезжих производило сильное впечатление, что за одно чаепитие с ведерным самоваром чалдоны выпивали пять-шесть и более стаканов [Фурсова, 2008, с. 50].

Если обратиться к полевым материалам этнографических экспедиций автора³, то информанты старшего поколения еще в 1970–1980-х гг. хорошо помнили китайский чай в жестяных банках, называвшийся «фамильным»⁴. Существовало несколько видов чаев, которые использовались в зависимости от ситуации: гостям готовили черный, продававшийся в виде «кирпичей», чай. Для чаепития в кругу семьи готовили фруктовый или морковный напиток из долек сушеной моркови, которую запаривали в печи (ПМА, 2001, Изосимова К.А.).

Приведем выдержки из отдельных интервью, свидетельствующих об этнокультурных практиках чае хлеба-сибиряков. Типичными можно считать факты, изложенные ветераном Великой Отечественной войны Александром Георгиевичем Полуяновым (1926 г.р.) о деталях группового времяпрепровождения за чашкой чая с самоваром: *В д. Черноярке Тевризского района Омской области нас звали чалдонами, с Чала и Дона якобы, оттуда появились эти люди когда-то, то есть потомки казаков, да, да. С Чала и Дона, вот чалдонами и звали... Старушки по десять чашек выпивали чая. Соберутся, не моя мама, а бабушка, сидят у самовара, сахар глызку. Глызка — так называли сахар (кусочек). Глызку сахара, кусочек маленький в блюдечко, и пили чай из блюдечка, а не из чашки. О типичной трапезе чалдонов можно услышать от многих членов деревенского социума. Приведем высказывание группы пожилых женщин из с. Большеречье Омской области: *Пили чай из блюдечка. Ставили самовар, наливали в чашку, потом в блюдечко. Это чалдоны. Сахар большими головками. Пили вприкуску* (беседа с бабушками из фольклорного коллектива в Доме культуры с. Большеречье Омской обл.).*

Как о повседневном явлении рассказывали о традиции чаепития сами чалдоны, которые не видели в этом ничего заслуживавшего внимания: *Чем чалдоны отличались от других, я даже*

³ Восточнославянский этнографический отряд в 1970-х — 2019 г. организовывался Институтом археологии и этнографии СО РАН.

⁴ В 1880–1890-х гг. в «Сибирских торгово-промышленных и справочных календарях» давалась рекламная информация о купцах, торговавших таким чаем в гг. Томске, Иркутске, Енисейске, Барнауле, Кунгуре, Троицко-Савске, на Нижегородской и Ирбитской ярмарках: К.А. Андреев, П.В. Болотове, М.А. Перевалове и пр. [Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь..., 1893. Приложение]. Здесь же сообщалось, что чай развесистый стоил на ярмарках от 1 руб. 10 коп. до 2 руб. за фунт; ящичный от 3 до 10 фунтов был ценою от 6 до 22 руб.

не скажу, не знаю. Ну, чай — это мы любим. И бабушка любила чай, заваривала только чай. Ну, раньше кирпичный пили всегда. Щас вот «фамили». Но щас разве это чай? Не чай. Какой это щас чай? Ну, раньше, конечно, всегда пили кирпичный. Самовары были, специальные самовары. Пили с сахаром. Ну, какой лимон? Чай пили с самовара и всегда свежий заваривали. На трубе, ну у меня самовар такой есть, старинный, ранишний, не электрический. На дворе он, за ним надо лезть» (ПМА, 2007, Короткова А.Н.).

Сообщения о выдающемся гостеприимстве чалдонов в изложении информантов выглядят довольно стереотипно. А.А. Богачева рассказывала: *В Агафонихе немного было чалдонов. Чалдоны без чая человека не отпустят.* Информант передавала запоминающуюся речь чалдонов: *Девонька, чай пить пойдём! Девонька с капустой (соленой. — Е. Ф.), блиночками, шанюшками. Сахар рядом лежит, чай попьют — сахар обратно положат. Дети на полатях сидели, не смели к столу подойти. Им еще пальцем погрозят: «Тише»* (ПМА, 1989). Или: *У меня сосед вот тут жил, Левин Петр Николаевич, помер. Он и родители его, звали их чалдоны, они чай любили. Когда к ним приходили, они всегда чай предлагали. Не из самовара, из чайника. А завар они уже брали, была и душечка. Вот косишь на покосе, нарвешь ее, высушишь, зимой завариваешь чай, приятно, конечно* (ПМА, 2011, Гришин В.А.).

Чай стал настолько значимым компонентом питания и праздничного времяпрепровождения в культуре чалдонов, что его почитатели становились даже зависимыми, а отсутствие такового вызывало болезненное состояние. *А когда появился чай кирпичный, вот такой, кирпичиком (показывает руками), и вот они, особенно чалдоны. Вот у меня свекровь, она у меня тоже чалдонка. Я приезжаю к ней, она, если только чаю нет, они ждут, что привезут — на тряпки (в обмен). Они сдавали тряпки на чай. Или вот так платочком голову завяжут — мол, голова болит. Чаю нет — голова болит, если долго нет чая. Кроме чая еще чалдоны пили квас...* (ПМА, 2007, Гут Г.М.).

Старообрядческие традиции чаепития

Старообрядцы, несмотря на бытовавшую в XIX — начале XX в. моду, игнорировали покупной китайский чай, что нашло отражение в народных поговорках, например: «Чай проклят на трех соборах, а кофе на семи», «Кто пьет чай, тот спасения не чай» и пр. С.В. Максимов, совершавший путешествие по Сибири и Дальнему Востоку, высказал свои соображения по поводу принятия этого новшества в России следующим образом: *В конце XVIII столетия, когда русское образованное общество носило не только иноземный вид снаружи, но и думало по-иноземному и даже выработало новые вкусы, взамен тех, которые прежде почитало запретным и греховным... В это время и «китайская стрела (здесь: чай. — Е. Ф.), которая в Россию вошла и в чувствительные сердца — сгубила всех до конца», тогда и чай не полагался уже бытием проклятым, а зауряд с другими шел как лакомый, здоровый и крепкий напиток [1864, с. 564].* В отличие от старообрядцев Центральной России и Поволжья, примирившихся с чаепитием, многие сибирские сторонники староверия не употребляют чай и в начале XXI в. (ПМА, 1996, 2019).

В разного рода духовных поучениях, «Цветниках» интерпретируются запреты, принятые в старообрядческой среде. В главе о запрете на употребление табака, чая и кофе, взятых из книги Федора Вальсамона, архиепископа Антиохийского, сказано: *Аще кто дерзнет пити чаю той отчается самого Господа Бога, да будет предан тремя анафема...* Как следует из текста, в основе убеждений лежит простое фонетическое созвучие, что придает словам большую значимость: *от чая — отчается* [Цветник, 1813, л. 1–3].

Как уже отмечалось, в начале XX в. старообрядцы следовали старым русским традициям и употребляли травяные отвары или заварки в виде смородишника, маличника, иван-чая, из сборов калинового, черемухового цветов и пр. Например, имеются сообщения информантов, что старообрядцы Малышевской волости Барнаульского уезда Томской губернии⁵ ежедневно употребляли чай из сбора в равных частях шиповника и брусничника (Н.Н. Ключихина, Сузунский р-н Новосибирской обл.). У васюганских старообрядцев было принято делать на десерт густую как каша кулагу⁶ с добавлением сушеной малины, сахара и запивать травяным чаем [Фурсова и др., 2003, с. 89].

Бухтарминские старообрядцы Южного Алтая (часовенного согласия) отказывались пить чай, потому что *чай делает поганый* (здесь: язычник. — Е. Ф.) *китаец, поклоняющийся драко-*

⁵ Сейчас Сузунский район Новосибирской области.

⁶ Кулага — сладкий густой напиток на основе ржаной муки и солода.

ну. Кроме того, при кипении воды самовар издавал специфические звуки, которые также будто бы расценивались как неприятные, неприличные для христианина. Согласно полевым данным, наиболее распространенным у старообрядцев Западной Сибири, объяснением *нечистоты* чая является то, что самовар блестит *как змеиное пузо*.

Восприятие чаепития российскими переселенцами

Прибывшие мощным потоком в Сибирь в конце XIX — начале XX в. южнорусские, украинские и белорусские переселенцы не принесли собственной традиции чаепития. Объясняется это тем, что чай, широко распространившийся в России, не проник на украинские и белорусские земли ни в XVIII, ни в XIX в., поэтому уже в начале XIX в. чай стал считаться народным великорусским напитком [Похлебкин, 1995, с. 20]. Не случайно, подчеркнув подверженность трансформациям культуры питания белорусских переселенцев начала XX в., исследователи не упоминают у них чаепития [Федоров, Аболина, 2018, с. 153].

Наши полевые наблюдения свидетельствуют, что российские переселенцы, заимствуя у старожилов обычай частого чаепития с самоваром, случалось, относились к новинке с настороженностью. По заверению многих потомков переселенцев, увидев обычай чаепития с самоваром в Сибири, их деды стремились зарабатывать деньги на покупку этого прибора. Однако, когда молодые члены семьи белгородских переселенцев Трофимовых захотели купить самовар, обосновывая это местным обычаем распивать чай на поле, то начинание не нашло поддержки у старших — родителей и дедов. Белгородские бабушки объясняли свое нежелание пользоваться самоваром его греховностью: *Ой, дети грешно, грешно! Самовар, он же нечищенный, грязный, с него нельзя пить* (ПМА, 2001, Трофимова Е.П.). В данном случае интересна интерпретация греховности чая будто бы из-за изначальной бытовой «нечистоты» самовара.

Непонимание сибирских традиций питания поздними российскими переселенцами нашло отражение в периодике того времени. Мария Костюрина в статье «Деревенские письма», опубликованной в газете «Сибирский листок» 5 августа 1912 г., передала мнение российской переселенки — «пострадки», т.е. наемной работницы на период страды. *Несколько лет тому назад жила у моих хозяев летом пострадка-хохлашка; была она веселая, добрая баба, умевшая прекрасно ладить со всеми в доме, она постоянно возмущалась горячо, искренне, с экспансивностью южанки, всем укладом деревенской сибирской жизни. К сожалению, не могу передать ее прекрасной образной хохлацкой речи:*

— *И что за люди тут? Ну как они живут не пойму! У нас так паны живут, ей Богу же, правда,— дома пятистенные, и всякая мебель и цветы на окнах, и в шкафу всякая посуда, и в сундуках всякая тебе одежда, а едят хуже, чем у нас последний батрак!*

— *Чем же у вас лучше?*

— *Ах, Боже ж мой, да здесь усе чай да чай! Верите ли, мне все кишки промыло ихним чаем — у нас фрукты всякие, у нас зелень в огородах, чего только нет: и помидоры, и баклажаны, а обедать сядут — чего только не наставят, а здесь ничего не умеют сделать.*

Все чай пьют, а она не хочет [Костюрина, 1912].

Нами записано немало интересных рассказов, свидетельствующих о том, как незнание культурных особенностей, традиционного этикета чаепития, мешало взаимопониманию чалдонов и российских крестьян. Колыванская жительница А.С. Овчинникова вспоминала, как ее отцу, выходцу из Симбирской губернии, было отказано при сватовстве по причине его «крайнего простодушия». Он пришел в чалдонскую семью сватать мать информанта и, как показалось родителям будущей невесты, чересчур активно угощался предложенными яствами — конфетами, пряниками и пр. Именно это не понравилось родителям: в чалдонском застолье по заведенному правилу, если брали сахар к чаю, то, выпив чашку, клали его остатки обратно в сахарницу; примерно то же и с другими сладостями. Жениху было невдомек, почему, приняв его столь радушно, чалдоны отказали в руке дочери (ПМА, 1988).

Тем не менее чаепитие с самоваром поздними российскими переселенцами рассматривалось как весьма престижное занятие, как символ достатка и высокого социального положения. По этому поводу можно привести рассказ, достаточно наглядно иллюстрирующий систему ценностей и взаимоотношений в сибирской деревне начала XX в. В одной семье парень, приехавший из другой деревни к родственникам, пошел на игрища и познакомился с местной девушкой из переселенческой семьи. Она ему понравилась, и он решил похитить ее и увезти домой. Сделав вид, что собирается уехать, он попросил ее посветить фонарем у коня и, когда она вышла, прихватил ее полой тулупа и увез. Когда родственникам девушки сообщили о случившемся, они

кинулись ночью в погоню за вором в соседнюю деревню. Однако, ворвавшись в избу обидчика, чтобы отбить дочь, они неожиданно умерили свой гнев. Причиной было присутствие на столе начищенного самовара, т.е. признака семьи с хорошим достатком. Выяснив, что дочь сама не против такого развития событий, стали договариваться о свадьбе.

Традиции сибирского чаепития как показатель этнокультурной идентичности. Заключение

Чаепитие с китайским чайным листом, ставшее в начале XX в. русской национальной чертой культуры питания, досуга, общения, тем не менее, в отличие от повального увлечения у англичан [Фокс, 2013, с. 378–379], не воспринималось однозначно положительно всеми группами сибирского населения. Чаепитие входило в структуры идентификационных характеристик чалдонов, что даже позволяло интерпретировать их народное коллективное прозвище в соответствующем ключе («чайдоны», т.е. чай дающие). Исследование традиций чаепития показывает, что именно на основе этнокультурных повседневных практик происходит идентификация индивида. Очевидно, что культура сибирского чаепития начала формироваться вдоль Великого чайного пути и Сибирского тракта среди групп старожильческого населения, сложившиеся при этом традиции являются следствием интеграционных процессов, протекавших в среде славянских народов.

Китайское чаепитие с самоваром не поддерживалось старообрядцами и частью российских переселенцев (южнорусскими, украинскими, белорусскими): первые объясняли это подозрительным поблескиванием его «змеиною пуза», вторые — бытовой нечистой самовара. Фактический материал («факты-реальности») о традициях сибирского чаепития дает основание поставить вопрос о существовании доминирующей идентичности в сибирском сообществе XIX — начала XX в. в лице старожилов-чалдонов — пионеров в освоении сибирского края и носителей специфических региональных традиций. Таким образом, традиции сибирского чаепития старожилов (не-старообрядцев) оказали значительное влияние на формирование региональной и этнокультурной идентичности сибиряков в широком понимании этого слова как жителей Сибири.

Традиции питья чая подтверждают мысль о том, что процесс дифференциации (оценочного сравнения) сопровождался другим процессом — культурной интерференции и неразрывно связан с когнитивным процессом — групповой идентификацией, не позволяющей некритично усваивать «не-свои» традиции. Показателем относительной новационности такого элемента в культуре славянского населения Сибири, как китайский чай, несмотря на его популярность в конце XIX — начале XX в., является то, что он, в отличие от всевозможных взваров, киселей, не входил в обрядовые комплексы (например, в свадебный, поминальный и пр.). В календарных обрядах чай был включен в качестве угощения во время развлекательных моментов праздников.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00028.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники. Список информантов

- Богачева (дев. Пискунова) А.А., 1910 г.р., родилась в д. Агафониха Тогучинского р-на Новосибирской обл. Запись в д. Дергоусово Тогучинского р-на Новосибирской обл.
Гришин В.А., 1928 г.р., д. Карымка Манского р-на Красноярского края.
Гут (дев.) Г.М., директор Дома культуры, с. Евгашино Омской области.
Изосимова (дев. Никитина) К.А., 1915 г.р., д. Иткуль Чулымского р-на Новосибирской обл.
Костюрина М. Деревенские письма // Сибирский листок. 5 авг., 1912.
Клочихина Н.Н., 1920 г.р., д. Мереть Сузунского р-на Новосибирской обл.
Короткова А.Н., 1941 г.р., с. Евгашино Омской обл.
Овчинникова А.С., 1902 г.р., с. Малый Оеш Кольванского р-на Новосибирской обл.
Полуянов А.Г., 1926 г.р., с. Тевриз Омской обл.
Свидетельство старого самовара. Омск: ООММИ им. М.А. Врубеля, 2001. 24 с.
Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1894 год. Томск: Изд. Ф.П. Романова, 1893. С. 119–120.
Тара на Великом чайном пути. Эрудит-экспедиция / Сост. В.Н. Носкова. Тара: ТЦБС, 2009. 28 с.
Трофимова (по мужу Шатович) Е.П., 1915 г.р., д. Бажинск Маслянинского р-на Новосибирской обл.
Щербакова (дев. Кузьмина) М.И., 1934, д. Кругликово Болотнинского р-на Новосибирской обл.
Цветник Карпа Зотиевича Меновщикова. Хранится в общине старообрядцев-поморцев. Рукопись. 1813. Л. 1–3.
Чехов А.П. Из Сибири // А.П. Чехов. Соч.: В 18 т. Т. 14–15. М.: Наука, 1978. С. 5–38.

Литература

- Беляевский Ф.Н.* Распределение населения Западной Сибири по территории, его этнографический состав, быт и культура // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. Т. XVI: Западная Сибирь. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1907. С. 214–282.
- Бойко В.П.* Томское купечество в конце XVII — XIX вв.: Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск: Водолей, 1996. 320 с.
- Воронина Т.А.* Утварь (XII–XX века) // Русские. М.: Наука, 1997. С. 397–415.
- Гавриленко М.В.* Культура питания русских Верхнего Приобья и Саяно-Алтая в конце XIX — XX в.: Локальные варианты и их трансформация. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 136 с.
- Гончаров Ю.М.* Купеческая семья второй половины XIX — начала XX в. М., 1999. 240 с.
- Гурулев С.А.* Чай из мыкера // Чай в Сибири. Иркутск: Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», 1996. С. 20–27.
- Донские казаки в прошлом и настоящем /* Под общ. ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д: ГинГо, 1998. 504 с.
- Ермачкова Е.П.* Зарождение и распространение культуры сибирского чаепития // Вестник КемГУ. 2014. № 4 (60). Т. 3. С. 20–24.
- История культуры Древней Руси: Домонгольский период. 1. Материальная культура /* Под общ. ред. Б.Д. Грекова и М.И. Артамонова. М.; Л., 1948. 483 с.
- Какадий Д.В.* Теоретические аспекты изучения этнокультурных практик // Наука сегодня: Вызовы и решения: Материалы междунар. научно-практ. конф. Науч. центр «Диспут». Краснодар: Маркер, 2016. С. 184–185.
- Калашников И.Т.* Из «Записок иркутского жителя» // Славное море. Иркутск: Полиграфиздат, 1957. С. 31–39.
- Каргин А.С., Костина А.В.* Этнокультура как фактор национальной идентичности // Традиционная культура. 2011. № 1. С. 34–46.
- Катанаев Г.* Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке // Записки ЗСОРГО. 1893. Вып. 2. Кн. 15. С. 1–20.
- Кивокорцева М.В.* Чай в Сибири // Чай в Сибири. Иркутск: Архитектурно-этнографический музей «Тальцы», 1996. С. 1–14.
- Максимов С.В.* На Востоке: Поездка на Амур (в 1860–1861 годах). СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная Польза», 1864. 588 с.
- Особенности социальной идентичности в контексте современных интеграционных процессов в союзе Беларуси и России /* Н.Л. Балич [и др.]; Краснодар: КубГТУ, 2014. 156 с.
- Пименов В.В.* Этнографический факт // СЭ. 1990. № 3. С. 43–52.
- Похлебкин В.В.* Чай и водка в истории России. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во: Новосиб. кн. изд-во, 1995. 464 с.
- Похлебкин В.В.* Чай. М.: Центрполиграф, 1997. 378 с.
- Субботин А.П.* Чай и чайная торговля в России и других государствах. СПб.: Тип. Северного Телеграфного Агентства. 1892. Репринтное изд. М.: Хобби Пресс, 2017. 578 с.
- Федоров В., Мошков Н.* Сказ о Самовар Самоварыче, или путешествие к чайным истокам. Н. Новгород: Литера, 2017. 131 с.
- Федоров Р.Ю., Аболина Л.А.* Некоторые особенности материальной культуры белорусских переселенцев Братского района Иркутской области: Маркеры идентичности // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 147–155.
- Фокс К.* Наблюдая за англичанами: Скрытые правила поведения. М.: РИПОЛ классик, 2013. 512 с.
- Фурсова Е.Ф.* Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области. Ч. 1: Обычаи и обряды зимне-весеннего периода. Новосибирск: Агро, 2002. 287 с.
- Фурсова Е.Ф.* Традиции сибирского чаепития в конце XIX — начале XX века // Хмельное и иное: Напитки народов мира. М.: Наука, 2008. С. 45–57.
- Фурсова Е.Ф.* Похоронно-поминальная обрядность старообрядцев-переселенцев из Белоруссии как этнографический источник (по материалам XX — начала XXI в.) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 5. С. 284–297.
- Фурсова Е.Ф., Голомянов А.И., Фурсова М.В.* Старообрядцы Васюганья: Опыт исследования межкультурных взаимодействий конфессионально-этнографической группы. Новосибирск: АГРО-СИБИРЬ, 2003. 275 с.
- Чудова Т.И.* Культура питания коми (зырян). Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2009. 204 с.
- Школдин П.* Хозяйственно-статистическое описание Бурлинской волости // Журнал заседаний Московского общества сельского хозяйства. 1863. Кн. 1. С. 35–50.
- Drygas I.* Wspomnienia chłopca — powstańca z 1863 r. // Do druku przyg. J.S. Krakow, 1913. S. 67–68.
- Fursova E.F.* Traditional Tailoring Technology as an Ethnographic Source: (The Case of Eastern Slavic Clothing in Southern Siberia) // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 2017. № 45 (3). P. 11–125. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.3.115-125.
- Sökefeld M.* Debating Self, Identity, and Culture in Anthropology with CA comment // Current Anthropology. 1999. Vol. 40. № 4. August — October. P. 417–447.

«They drank tea, they struck spoons...»: ethnocultural identity in the tea drinking practices of Russian Siberians in the 19th — early 20th century

On the basis of original field materials, the author set a goal to reveal the identifying functions of the food culture, particularly, of such a characteristic component of the Northern Eurasian population as hot drinks (teas), in different ethnocultural groups of Siberia: descendants of the old settlers and later Russian migrants, old-believers and followers of the official church. The practices of Siberian tea-drinking have been studied from the perspective of ethnocultural identity within the framework of the mundanity theory. It is the folk customs and beliefs related to the consumption of decoctions of local herbs and later of Chinese leaves (tea) that provide opportunity to infer the place of hot drinks in people's culture. The author reports interesting facts about the traditions of Siberian tea-drinking and table etiquette in the countryside. Chinese tea-drinking from samovars (table boiling tanks) was not embraced by the old-believers and by some Russian migrants in the late 19th — early 20th c. (South-Russians, Ukrainians and Belarusians), where the former refrain due to “suspicious glare” of the surface resembling snake-skin, while the latter by the slimy samovars. In Siberia, the spread of the tea-drinking with Chinese leaf coincided with formation of local old-settler population in the 17th—18th centuries and therefore it can be regarded as an old custom for the service-class people and Cossacks. The fact that the Chinese tea was relatively a novation in the culture of the Siberian population is evidence by that it was not part of the ceremonial practices (e.g., family), in contrast to various herbal brews and kisels (jellies). Siberian tea-drinking traditions of the old-settlers (apart from the old-believers) had strong influence on formation of the regional and ethnocultural identity of the Siberians, in the wide sense of the term as Siberia locals. The established traditions can be considered as a consequence of integration processes amongst the Slavic people in Siberia. The tea-drinking traditions support the conjecture that the differentiation process (comparative evaluation) was accompanied by another process — cultural interference and is inextricably linked to the cognitive process — collective identification, which inhibits non-critical adoption of ‘extraneous’ traditions.

Key words: tea drinking practices, Russian Siberians, ethnocultural differences, ethnocultural identity, Siberia of the 19th — early 20th century.

Funding. This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 18-09-00028.

REFERENCES

- Balich N.L. (Ed.). (2014). *Features of social identity in the context of modern integration processes in the union of Belarus and Russia*. Krasnodar: Izdatel'stvo KubGTU. (Rus.).
- Beliavskii F.N. (1907). Distribution of the population of Western Siberia by territory, its ethnographic composition, life and culture. In: *Rossiia. Polnoe geograficheskoe opisaniie nashogo otechestva. Nastol'naia i dorozhnaia kniga. T. XVI: Zapadnaia Sibir*. St. Peterburg: Izd. A.F. Devriena, 214–282. (Rus.).
- Boiko V.P. (1996). *Tomsk merchants at the end of the XVII–XX centuries: From the history of the formation of the Siberian bourgeoisie*. Tomsk: Vodolei. (Rus.).
- Chekhov A.P. (1978). From Siberia. In: *A.P. Chekhov. Sochineniya: V 18 t. T. 14–15*. Moscow: Nauka, 5–38. (Rus.).
- Chudova T.I. (2009). Komi food culture (Zyryan). Syktyvkar: Izdatel'stvo SyktGU. (Rus.).
- Volkov Ju.G. (Ed.). (1998). *Don Cossacks in the past and present*. Rostov-na-Donu: GinGo. (Rus.).
- Drygas I. (1913). Memories of a peasant — insurgent from 1863. In: *Do druku przyg*. Krakow, 67–68.
- Ermachkova E.P. (2014). The origin and spread of the culture of Siberian tea drinking. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 3. 60(4)*, 20–24. (Rus.).
- Fedorov V., Moshkov N. (2017). *The Tale of the Samovar Samovarich, or a journey to the tea sources*. Nizhnij Novgorod: Litera. (Rus.).
- Fedorov R.Yu., Abolina L.A. (2018). Some features of the material culture of Belarusian immigrants in the Bratsk region of the Irkutsk region: Identity markers. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 147–155. (Rus.).
- Foks K. (2013). *Watching the English: Hidden rules of conduct behavior*. Moscow: RIPOL klassik. (Rus.).
- Fursova E.F. (2002). *Calendar customs and rites of the East Slavic peoples of the Novosibirsk region. Ch. 1: Customs and rites of the winter-spring period*. Novosibirsk: Agro. (Rus.).
- Fursova E.F. (2008). Traditions of Siberian tea drinking at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries. In: *Hmel'noe i inoe: Napitki narodov mira*. Moscow: Nauka, 45–57. (Rus.).
- Fursova E.F. (2014). Funeral and funeral rites of the Old Believers-immigrants from Belarus as an ethnographic source (based on materials of the twentieth — beginning of the twenty-first century). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya, filologiya*, 13(5), 284–297. (Rus.).

«Чай пили, в ложки били...»: этнокультурная идентичность в практиках чаепития...

Fursova E.F. (2017). Traditional Tailoring Technology as an Ethnographic Source: (the Case of Eastern Slavic Clothing in Southern Siberia). *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 45(3), 115–125. DOI: 10.17746/1563-0102.2017.45.3.115-125.

Fursova E.F., Golomyanov A.I., Fursova M.V. (2003). *Old Believers of Vasyugania: Experience in the study of intercultural interactions of a confessional-ethnographic group*. Novosibirsk: AGRO-SIBIR. (Rus.).

Gavrilenko M.V. (2012). *The food culture of Russians in the Upper Ob and Sayano-Altai at the end of the 19th–20th centuries: Local variants and their transformation*. Novosibirsk: Institut arkhologii i etnografii SO RAN. (Rus.).

Goncharov Iu.M. (1999). *Merchant family of the second half of the 19 — beginning of the 20 century*. Moscow. (Rus.).

Gurulev S.A. (1996). Myker tea. In: *Chai v Sibiri*. Irkutsk: Arkhitekturno-etnograficheskii muzei «Tal'tsy», 20–27. (Rus.).

Kakadii D.V. (2016). Theoretical aspects of the study of ethnocultural practices. In: *Nauka segodnia: Vyzovy i resheniia: Materialy mezhdunar. nauchno-prakt. konferentsii. Nauchnyi tsentr «Disput»*. Krasnodar: Marker, 184–185. (Rus.).

Kalashnikov I.T. (1957). From «Notes of the Irkutsk inhabitants». In: *Slavnoe more*. Irkutsk: Poligrafizdat, 31–39. (Rus.).

Kargin A.S., Kostina A.V. (2011). Ethnic Culture as a Factor of National Identity. *Traditsionnaia kultura*. 2011, (1), 34–46. (Rus.).

Katanaev G. (1893). Irtysh Kazakhs and Kyrgyzs of the Semipalatinsk district in their home and household environment. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdela Russkogo gtograficheskogo obshchestva. Vyp. 2. Kn. 15*, 1–20. (Rus.).

Kivokurtseva M.V. (1996). Tea in Siberia. In: *Chai v Sibiri*. Irkutsk: Arkhitekturno-etnograficheskii muzei «Tal'tsy», 1–14. (Rus.).

Maksimov S.V. (1864). *In the East: A trip to the Amur (in 1860–1861)*. St. Peterburg: Typografia Tovari-shchestva «Obshchestvennaia Pol'za». (Rus.).

Pimenov V.V. (1990). Ethnographic fact. *Sovetskaya etnografiya*, (3), 43–52. (Rus.).

Pohlebkin V.V. (1995). *Tea and vodka in the history of Russia*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).

Pohlebkin V.V. (1997). *Tea*. Moscow: Centrpoligraf. (Rus.).

Shkoldin P. (1863). Economic and statistical description of Burlinsky volost. *Zhurnal zasedanij Moskovskogo obshchestva sel'skogo hozyajstva*, (1), 35–50. (Rus.).

Subbotin A.P. (2017). *Tea and tea trade in Russia and other countries*. St. Peterburg: Tipografiya Severnogo Telegrafnogo Agentstva. 1892. Reprintnoe izdanie. Moscow: Hobbi Press. (Rus.).

SÖkefeld M. (1999). Debating Self, Identity, and Culture in Anthropology with CA comment. *Current Anthro-pology*, 40(4), August — October, 417–447.

Voronina T.A. (1997). Utensils (XII–XX centuries). In: *Russkie*. Moscow: Nauka, 397–415. (Rus.).

Фурсова Е.Ф., <https://orcid.org/0000-0002-9459-7033>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 29.05.2020

Article is published: 28.08.2020